

И. Л. Манькова
Екатеринбург

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1620-е гг.

Большой вклад в изучение истории экономических отношений России и Шведского государства в XVII в. внес И. П. Шаскольский¹. Им и его коллегами был выявлен и опубликован значительный комплекс документов как из российских, так и зарубежных архивов². Вместе с тем И. П. Шаскольским было отмечено, что “проследить первые шаги русских торговых сношений со Стокгольмом после Столбовского мира весьма нелегко – в русских архивах документация за конец 1610-х и 1620-е гг. сохранилась не полностью”³. В связи с этим нам представляется важным обратить внимание на дело № 43, которое хранится в фонде Приказа тайных дел (Ф. 27. Оп. 1) в РГАДА. Эта подборка документов содержит переписку об организации поездок новгородских торговых людей в шведские владения по поручению царя Михаила Федоровича. В описи она озаглавлена “О промене казенной мягкой рухляди на иностранную медь, золото и другие товары. 1624 г.” (125 листов). Датировка дела не совсем точна: в нем собраны документы за 1624–1626 гг. Но прежде чем рассматривать содержание этого источника, необходимо обратиться к характеристике состояния российско-шведских экономических отношений после подписания Столбовского мира в 1617 г.

Ряд пунктов Столбовского договора был посвящен развитию российско-шведской торговли. Русские купцы получили право ездить по торговым делам по всем шведским владениям, включая и прибалтийские земли. Но они не имели права проезда через территорию Швеции в другие государства.

¹ См.: Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.: Л., 1964; *Он же*. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994; *Он же*. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998 и др.

² См.: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке / Сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М.: Л., 1960; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М., 1981–1982. Вып. I–III.

³ Шаскольский И. П. Экономические отношения... С. 74.

Поэтому на долгие десятилетия купечество Ревеля, Нарвы и Риги стало посредником во внешней торговле России с Западной Европой. В 1618 г. шведское купечество получило жалованную грамоту, создававшую благоприятные условия для их торговли на территории России⁴.

Главной статьёй шведского экспорта в Россию должны были стать медь и железо. В 1610–20-е гг. Швеция вышла на одно из ведущих мест в Европе по производству и экспорту этих металлов. В 1619–1620 гг. при поддержке шведского правительства была создана Медная компания, которой была передана монополия на торговлю медью. Предполагалось, что компания сможет развернуть широкую европейскую торговлю и это принесет значительный доход государству. Она получила от короля привилегию торговать с Россией, и ее торговля через Нарву на три года освобождалась от пошлины и акциза.

Весной 1620 г. в Новгород был направлен представитель Медной компании купец Давид Валькер для проведения переговоров с русскими властями. Он предложил организовать поставки различных товаров, в том числе “всяких статей” медь и железо, из Швеции в Новгород, Москву, Ярославль и другие русские города. В первую очередь поставки должны были делаться для российской казны, а затем уже частным торговцам. Новгородский воевода Д. И. Мезецкий направил предложения Д. Валькера в Посольский приказ для окончательного принятия решения. В Москве отнеслись довольно прохладно к инициативам Медной компании. В помете на отписке новгородского воеводы от 18 июля 1620 г. по этому поводу было указано ответить Д. Валькеру, что “будет какие товары учнут привозити и их велети продавати повольно всяким людем, а какие товары учнут привозить и по чему учнут покупати, и о том для ведома отписать ко государю”⁵. Таким образом, хотя московское правительство не спешило делать заказы на поставки Медной компании в казну, тем не менее власти хотели иметь информацию об ассортименте торговли и ценах. И. П. Шаскольский предположил, что безразличие к шведскому торговому проекту было связано с хозяйственными и политическими трудностями “послесмутного” времени, полностью поглощавшими внимание российских властей⁶.

Лично Д. Валькеру было разрешено вести торговлю в Новгороде наравне с другими шведскими купцами согласно статьям Столбовского договора. Проезд до Москвы разрешался им в том случае, если крупные партии товара не удавалось продать в Новгороде. Царской грамотой от 10 апреля 1620 г. предписывалось отпускать шведских купцов в Москву, “скопия вдруг

⁴ См.: Шаскольский И. П. Экономические отношения... С. 64–66.

⁵ Русско-шведские экономические отношения... С. 36–38.

⁶ См.: Шаскольский И. П. Экономические отношения... С. 67–70.

человек по 10 и по 20 с приставы и на их лошадех”⁷. Московские власти крайне неохотно соглашались на допуск шведов в столицу еще и потому, что, согласно Столбовскому договору, они должны были построить в Москве свой торговый двор, но шведская сторона не спешила это сделать, хотя место было уже подготовлено⁸.

Несомненно, имели значение при отказе от сотрудничества с Медной компанией и финансовые затруднения московского правительства. Для иллюстрации состояния государственных финансов приведем данные по расходу “Большой государевой шкатулы”, хотя, конечно, средства на закупку железа и меди шли не через этот канал, а через Пушкарский приказ и приказ Большой казны. Так, с 1 сентября 1619 г. по 1 сентября 1620 г. из государевой денежной казны было израсходовано 4 419 руб. 30,5 коп. Как правило, за товары, купленные на крупные суммы, казна расплачивалась с русскими купцами из городских сборов по месту их жительства. Например, у ярославского гостя Григория Никитникова было взято на государев обиход товаров на 502 руб. 69 коп. Царь распорядился выдать ему 500 руб. в Ярославле “из таможенных и изо всяких доходов, как денги будут в зборе”⁹. В 1620/21 г. расходы государевой денежной казны составили 4 589 руб. 60 коп.¹⁰ В 1621/22 г. из общей суммы расходов в 8 254 руб. 57,5 коп. половина была покрыта выдачей рухляди, соболей и денег из местных доходов¹¹. Практика расчета из городских сборов распространялась и на иностранных купцов. Например, у английского гостя Фабина Ульянова было взято товаров на 2 038 руб. 25 коп. Половину этой суммы он должен был получить на Холмогорах и в Архангельске из кабацких, таможенных и других доходов, 1 000 руб. – деньгами в приказе Большой казны, 35 руб. – соболями из Казанского приказа, а оставшиеся 3,25 руб. Ф. Ульянов получил на казенном дворе при сдаче товара¹².

Возможно, еще одно обстоятельство послужило причиной безразличия московских властей к предложениям шведской Медной компании. У российских правящих кругов были надежды, что в ближайшее время будут найдены собственные месторождения меди. В 1618 г. из Москвы была отправлена геологоразведочная экспедиция в Пермь Великую и вотчину Строгановых. Руководили экспедицией дворянин Чулов Бартенов и подьячий Гаврила Леонтьев. В качестве главного специалиста был послан английский мастер Джон Ватер (Ворт). Поводом для организации экспедиции стало сообщение

⁷ Русско-шведские экономические отношения... С. 34.

⁸ См.: Там же. С. 33.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 72. Л. 111.

¹⁰ Там же. Д. 73.

¹¹ Там же. Д. 74.

¹² Там же. Л. 165.

строгановского жителя Якова Литвинова, что во многих местах Перми Великой имеются большие залежи медной руды и “возможно будет золото”. Царским указом поисковикам предписывалось, если руда окажется “добра” и, по мнению Ватера, дело будет прибыльным, завести “большой” завод и плавить руду “беспреданно”. Однако поиски в Прикамье не дали положительных результатов, и весной 1620 г. было принято решение перебросить экспедицию на р. Печору и р. Цильму. Но надежды на промышленное залежание меди в этих районах также не оправдались. Осенью 1620 г. экспедиция вернулась в Москву¹³. Позже, в 1634 г., в Прикамье все-таки будут найдены промышленные залежи медной руды и будет построен Пыскорский медеплавильный завод. А пока потребности Пушечного двора приходилось удовлетворять за счет экспорта меди.

Когда в 1620-е гг. возникла необходимость в закупке меди за рубежом, правительство пошло уже проверенным путем, дав соответствующее поручение новгородским купцам. Указом от 23 июля 1624 г., присланным из Пушкарского приказа, гостю Андрею Харламову было предписано выехать из Новгорода “в Свию, в немецкие города”, т. е. в прибалтийские центры, через которые традиционно осуществлялась торговля с Европой. Там он должен был казенные шкурки лисиц либо выменять, либо продать и купить красной меди. При этом необходимо было “учинить казне прибыль”¹⁴.

Андрей Иванов Харламов принадлежал к верхушке купечества Новгорода. Его имя упоминается в таможенных книгах 1610/11 и 1613/14 гг.¹⁵ Еще его отец Иван имел в Новгороде лавку и долгое время торговал в Ревеле (Колывани), где он был задержан в 1617 г. за неуплату колыванским купцам долга в 400 руб. Его отпустили только после того, как сын Андрей уплатил эту сумму. В 1620 г. Иван Харламов Брянцев получил жалованную грамоту на звание “гостя” за свою “службу и раденье”: во время шведской интервенции он известил Псков о походе неприятельских войск, а позже сообщил в Новгород важные вести из Ревеля. Находясь в шведских владениях, И. Харламов лишился “животов и товаров” и из Колывани выехал в Новгород “з детми и с племенники”¹⁶.

Привилегии, которые были даны Ивану жалованной грамотой 1620 г., распространялись и на его детей. В 1622 г. Андрей получил персональную

¹³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–17; Ф. 365. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–163.

¹⁴ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–24.

¹⁵ См.: *Вареницов В. А.* Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 102, 115.

¹⁶ Жалованная грамота на звание “гостя” новгородцу Ивану Харламову // Сов. архивы. 1979. № 6. С. 59–60.

жалованную грамоту на звание “гостя” “за отца его и за его службы”¹⁷. На протяжении нескольких лет Андрей был таможенным головой в Новгороде. Также вместе с отцом он занимался предпринимательской деятельностью. В Старой Руссе они имели соляные варницы¹⁸. В 1630-е гг. Андрей с братом Федором торговали со Швецией, в том числе и казенными товарами. Так, в 1629 г. Андрей взял в Москве из государственной казны 18 пудов шелка-сырца, а Федор вместе с Богданом Шориным продали его в Швеции¹⁹. А. Харламов скончался в 1638 г.²⁰

Итак, А. Харламову приходилось не раз выполнять торговые операции за рубежом по заказу казны. Однако в 1624 г. он не смог выполнить царское поручение. Андрей побывал в Нарве (Ругодив) и Ревеле, но в тот год цены на пушнину в “немецких” городах были низкими, поэтому он продал лисиц своему соотечественнику Кузьмину, выручив за них 21 руб.²¹

Аналогичное поручение было дано новгородскому посадскому человеку Василию Вышеславцеву, который также отправился в Ревель. В своей челобитной о результатах поездки Василий описал ситуацию, которая сложилась в шведских владениях с продажей меди. Выяснилось, что “опроче де короля в Свее медью торговать не сметь никому”, поэтому “на соболи и на лисицы на мену и на денги” медь никому не продают. По его сведениям, все частные производители меди должны были сдавать ее в королевскую казну, а казна уже сама устанавливала цены и вела торговлю медью. До приезда В. Вышеславцева у шведского короля побывали голландцы, купили медь и “денги королю на медь дали наперед”. Последним уточнением Василий подчеркивал заведомую обреченность затеи с обменом пушнины на медь. Он не смог продать лисиц в Ревеле, так как там они стоили “в полымосковской цены”. Поэтому с помощью А. Харламова В. Вышеславцев также продал меха соотечественнику, псковичу Афанасию Мартынову, за 13 руб.²²

Но и после сообщения В. Вышеславцева московские власти настойчиво продолжали посылать новгородских торговых людей менять пушнину на медь в шведские владения. 1 мая 1625 г. новгородский посад выбрал 10 горожан, которые должны были ехать в “немецкие” города с соболями для обмена на медь. Им предписывалось в случае невозможности обменной операции с

¹⁷ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России (XVI – первая четверть XVIII вв.). Т. 1. М., 1998. С. 95.

¹⁸ См.: Жалованная грамота на звание “гостя” ... С. 59.

¹⁹ См.: Русско-шведские экономические отношения... С. 58–59, 61.

²⁰ См.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 94. По данным В. А. Варенцова, А. Харламов умер в 1637 г. См.: Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989. С. 51.

²¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

²² Там же. Л. 24.

“немецкими” торговыми людьми из-за казенной монополии на продажу меди попытаться совершить сделку с королем или его приказными людьми. Исходя из обстоятельств, новгородцы могли либо продать, либо обменять меха, “как бы государевой казне было прибыльнее”. Если бы не удалось совершить прямой обмен, то необходимо было продать соборей на золотые или ефимки, а на вырученные деньги купить красной дощатой меди. Эти же торговые люди должны были доставить купленное в Москву на ямских подводах²³.

Новгородцы посчитали это поручение невыполнимым и сочли необходимым убедить в этом власти. К новгородскому воеводе боярину Г. П. Ромодановскому и дьяку Ф. Опраксину пришли пятиконецкие старосты с торговыми людьми, которые ездили торговать в “немецкие” города и знали там обстановку. Они сказали, что в шведских городах нет большого торга на соборей, поэтому у них были сомнения, что удастся продать пушнину. Практики же обмена меди на меха или другие товары там вообще не существовало. По их сведениям, в Ревеле немцы “меж себя” покупали медь “гривенку по 5 алтын по 2 денги”, т. е. 1 пуд меди стоил бы 12 руб. 80 коп. Это были крайне завышенные данные, вряд ли соответствовавшие действительности. Для сравнения отметим, что в 1620 г. Д. Валькер от имени шведской Медной компании обещал поставлять в Россию дощатую красную медь по 5 руб. за 1 пуд, а клинчатую зеленую – по 4 руб. за 1 пуд²⁴.

Еще одно обстоятельство тревожило новгородских торговых людей – непроданный товар (в частности, пушнина) приносил убытки. Провоз непроданного товара через шведские города, которые находились по дороге к Стокгольму, облагался пошлинами. Так, в Ивангороде с 1 руб. брали по 1 алтыну (3 коп.), а в Нарве – по 2 алтына (6 коп.). У тех купцов, которые добирались до Швеции водным путем через Орешек, расположенный в устье р. Невы, брали пошлину с непроданных товаров с 1 руб. по 8 алтын (24 коп.). Чтобы собирать больше пошлин, немецкие таможенники завышали стоимость непроданных товаров у русских купцов. Поэтому новгородцы резонно говорили о том, что если не удастся сбыть соборей в шведских городах, то казна понесет убытки на пошлинах. Однако, несмотря на все доводы новгородцев, царский указ остался в силе, и торговые люди попытались хоть как-то облегчить свою участь. Они подали челобитные с просьбой послать с ними “невеликую” собориную казну, потому что собирались везти в шведские города еще и свой товар.

По совету пушечных литцов Алексея Якимова с товарищами, в грамоте от 8 мая 1625 г., адресованной В. Вышеславцеву, предписывалось приобрести две трети красной дощатой или плавленной меди для пушечного ли-

²³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. Л. 35.

²⁴ См.: Русско-шведские экономические отношения... С. 32.

тя, а треть – колокольной меди. Мастера советовали не покупать клинчатую медь, так как она “в литье худа, а плавить ее и в плавление убытошна”²⁵.

В памяти от 16 мая, предписывавшей посадским людям все-таки отправляться в шведские города, уже не шла речь о прямом обмене пушнины на медь: власти все больше склонялись к варианту продажи соболей на золотые и ефимки, а затем уже покупки на них меди. Понимая, что им все равно придется иметь дело с продажей пушнины, новгородцы попытались обезопасить себя от возможных конкурентов, попросив не пропускать через Ладугу в “немецкие” города других торговцев с соболями²⁶.

Новгородские торговые люди выехали тремя группами. Сохранились их сообщения, посланные из разных прибалтийских городов. Ивану Карпову и Емельяну Богомолу с товарищами было выдано 7 сороков соболей. Проведя 20 недель в Ивангороде, они сообщали, что пока не удалось найти покупателей пушнины, а также за этот период меди в привозе не было ни в Нарве, ни в Ивангороде. Эта группа вернулась в Новгород 9 февраля 1626 г., продав на ефимки 4 сорока соболей, но меди купить им так и не удалось. Известно, что впоследствии посадский человек Иван Карпов неоднократно бывал в Стокгольме по торговым делам, в том числе и для закупки меди²⁷.

Группа Дмитрия Воскобойникова и Василия Хамтолина отправилась в Ревель тоже с 7 сороками соболей. Их торговля сложилась удачней: им удалось продать на ефимки 6 сороков. Но в срочном порядке они были отозваны на родину, потому что “у шведского короля с литовским королем война”. В царской грамоте указывалось, чтобы купцы возвращались “с великим бережением, чтобы дорогою не съехаться с литовскими людьми”²⁸. Дело в том, что после подписания Столбовского договора с Россией Швеция возобновила военные действия с Польшей за прибалтийские земли. В 1621 г. шведами была захвачена Рига. В 1625–26 гг. шведская армия овладела всей Лифляндией, вторглась в Курляндию и Литву. В 1629 г. между Швецией и Польшей было заключено Альтмаркское перемирие²⁹. Как показывают приведенные выше факты, эти военные действия мешали развитию устойчивых торговых связей на прибалтийских территориях.

Из всех участников поездки в Ревель имеются сведения только о Дмитрии Воскобойникове. Он переселился в Новгород из Вязьмы во время Смуты, в середине XVII в. входил в привилегированную часть посадского населения. В описи Новгорода 1617 г. зафиксировано, что Дмитрий продал в казну круп-

²⁵ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. Л. 51–52.

²⁶ Там же. Л. 63.

²⁷ См.: Русско-шведские экономические отношения... С. 153.

²⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. Л. 80.

²⁹ См.: История Швеции. М., 1974. С. 187.

ную партию ржи³⁰. В 1628 г. он ездил в Стокгольм “для торгу”³¹. Чаше в документах упоминается его сын, гость Максим Воскобойников, владевший шведским языком и оказывавший услуги русским послам в Стокгольме. Активно занимаясь торговой деятельностью за границей, он также собирал сведения и о политических делах Швеции, участвовал в русско-шведских переговорах³².

17 января 1626 г. в Новгород из Стокгольма (Стекольна) вернулась третья группа купцов. Среди участников этой поездки были уже упоминавшийся выше Василий Вышеславцев и гость Степан Первой сын Прокофьев. В. Вышеславцеву не суждено было вернуться на родину: он скончался 11 ноября 1625 г.³³ С этой группой было послано 35 сороков соболей, из которых удалось обменять на золотые и ефимки только 10 по 45 руб. Таким образом, от этой сделки было получено 450 руб. На вырученные деньги купцы купили 10,5 пудов меди по цене 5 руб. за 1 пуд, т. е. эта покупка обошлась в сумму 52,5 руб.³⁴ Для сравнения отметим, что Тумашевы, ставшие в середине XVII в. владельцами Пыскорского медеплавильного завода, поставляли в казну пуд меди по 3 руб., а казна ее продавала по 4 руб. 40 коп.³⁵

25 сороков Степан Прокофьев с товарищами привезли назад в Новгород. Свои скромные результаты они объясняли тем, что “в Свее соболей на медь не меняют и на золотые и на ефимки не покупают, потому что немецкие лутчие все люди с королем в войне”. Также торговые люди узнали, что в Швеции “медь делают на денги и ратным людем дают жалованье медяными денгами фунт по 5 алтын по 2 денги”. Последняя фраза относится к стоимости денежной меди, т. е. выходит, что 1 пуд этой меди стоил 6 руб. 40 коп. Скорее всего, именно из этого сообщения московское правительство впервые узнало о введении в Швеции двойного металлического стандарта – серебряного и медного. Выпуск медных денег в Швеции начался после 1624 г. Королевская казна чеканила их, исходя из завышенной стоимости меди. Как считают историки, все эти нововведения были задуманы в том числе и с целью поддержать высокие цены на шведскую медь. В 1625 г. был начат выпуск крупных денежных единиц из меди³⁶.

По возвращении из Стокгольма Степан Прокофьев отправился с купленной медью в Москву. Любопытный факт из его биографии был обнару-

³⁰ См.: *Варенцов В. А.* Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг... С. 116; *Памятники отечественной истории. Вып. 3. Опись Новгорода 1617 г. М., 1984. С. 147.*

³¹ См.: *Шакольский И. П.* Экономические отношения... С. 76.

³² См.: *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника “бунташного” века. Очерки истории Новгорода. Л., 1991. С. 113.

³³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. Л. 83.

³⁴ Там же. Л. 89.

³⁵ ДАИ. Т. VI. СПб., 1857. С. 61.

³⁶ См.: *История Швеции. С. 226.*

жен историками В. А. Варенцовым и Г. М. Коваленко. В 1627 г. подьячие разрядного стола новгородской приказной избы подали на Степана извет. Как-то, идя по Большому ряду новгородского торгова, они увидели, что у лавки Богдана Шорина стоят люди и “чтут лист харатейный”. “Лист” оказался списком со Столбовского договора. При расспросе выяснилось, что документ принадлежит Степану Прокофьеву, а Богдан Шорин взял его, чтобы снять копию, но позже отказался от этой затеи, так как “то дело великое”. Подьячие усмотрели нарушение в том, что С. Прокофьев хранил список без дьячей приписи, т. е. без разрешения.

Как выяснилось при разбирательстве, этот документ принадлежал его отцу – Первому Прокофьеву, известному новгородскому гостю. Его имя упоминалось еще в таможенной книге 1610/11 г. В этом же году он был выбран старостой в суде. Согласно описи Новгорода 1617 г., Первый Прокофьев активно скупал в городе опустевшие дворы. После заключения Столбовского мира он выехал из Новгорода в Москву, где провел 4 года. Там он и купил у подьячего за 1 руб. копию с грамоты царя Михаила Федоровича шведскому королю о мирном договоре. Первый Прокофьев скончался в 1625 г., и список с грамоты среди прочего имущества был передан его сыну. Об этом свидетельствовал и Андрей Харламов, описывавший имущество³⁷. Интерес торговых людей к условиям договора со Швецией понятен, ведь им предстояло осуществлять его на практике.

Самое раннее сохранившееся известие о торговой поездке в столицу Швеции – это известие о путешествии новгородца Макара Загорского в 1622 г., попавшего в Стокгольм случайно. По мнению И. П. Шаскольского, эту поездку нельзя считать началом установления регулярных торговых сношений Новгорода и Стокгольма, так как далее наступает довольно длительный перерыв. Следующие сведения о поездках в Стокгольм, выявленные И. П. Шаскольским, относятся к лету 1626 г. Именно с этого времени он и ведет отсчет регулярных российско-шведских торговых контактов³⁸.

Обнаруженные нами сведения о посещении шведской столицы группой новгородских купцов под руководством Степана Прокофьева и Василия Вышеславцева позволяют уточнить начало установления регулярных торговых связей между Новгородом и Стокгольмом, датируя его концом 1625 – началом 1626 гг. Согласно протоколам шведского Государственного совета, в июле 1626 г. в Стокгольм приехал русский купец (его имя не известно), которому было уделено особое внимание. Ему были предоставлены льгот-

³⁷ См.: *Варенцов В. А.* Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг... С. 101; *Памятники отечественной истории...* С. 164–165; *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника “бунташного” века... С. 116–117.

³⁸ См.: *Шаскольский И. П.* Экономические отношения... С. 75.

ные условия для торговли, разрешено пройти своими судами от Стокгольма до шведских торговых портов Гёфле и Кальмар, посетить медные рудники и медеплавильные заводы. Таким образом шведское правительство стремилось продемонстрировать русскому купечеству привлекательность торговли в Швеции. В конце лета 1626 г. в Стокгольме побывало еще несколько русских торговцев. В 1627 г. шведскую столицу посетил новгородский торговый человек Богдан Шорин³⁹.

Поездки новгородцев в шведские владения в 1624–1626 гг. имели еще одно последствие. Трудности закупок меди в прибалтийских городах, возникшие в связи с военными действиями, заставили московское правительство прибегнуть к услугам шведского наместника в Копорье (Ижорская земля) Богуслава Розена, который стал посредником в отношениях с Медной компанией. В 1626–1628 гг. через него компания осуществляла поставки в Россию меди, колоколов, котлов и железных “прутов”. Медная компания просуществовала недолго и была закрыта в 1628 г.⁴⁰ Однако медь оставалась одной из важных статей шведского экспорта в Россию до конца XVII в.⁴¹

³⁹ См.: Шаскольский И. П. Экономические отношения... С. 75–76.

⁴⁰ См.: Там же. С. 70–71.

⁴¹ См.: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов. М.; Стокгольм, 1978; Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.